

Социальное конструирование виртуальных реальностей: опыт взаимодействия с *vip*-персонами

В статье рассматривается опыт скрытого социального конструирования виртуальной реальности во время интерактивного взаимодействия артиста, играющего роль мага, с *VIP*-персонами — Борисом Николаевичем Ельциным. Анализируются отдельные этапы и срезы такой виртуальной реальности, в которую погружается невольный участник интеракции, его восприятие реальности с измененными каузальными связями и процесс возвращения в реальность повседневности.

Ключевые слова: социальное конструирование, реальность повседневности, виртуальная реальность, магические ин-

теракции, измененное состояние сознания, интерпретация, механизм вытеснения привычной реальности.

Владимир Свечников

доктор социологических наук,
профессор кафедры

«Природная и техносферная безопасность»
Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А.
профессиональный артист-иллюзионист

Каждый человек живет в своем, созданном его воображением, мире¹. Исследователи пришли к выводу о том, что сколько существует на свете людей, столько существует и моделей реальности². Иллюционисты и маги реально создают совершенно фантастические миры, в которых невозможные события встраиваются в привычную реальность повседневности. Для этого они используют специальные социально-технические и социально-психологические приемы, а все действия «волшебника» по сути своей являются мистификацией, в основе которой лежит ложная интерпретация наблюдаемых явлений.

Таким образом, иллюционисты в своих выступлениях каждый раз как бы проводят тщательно спланированный эксперимент, в котором происходит нарушение нормального общепринятого хода событий, создание исключительных ситуаций, выпукло демонстрирующих и провоцирующих мнения и представления зрителей об этой новой созданной реальности. По сути дела, магическая интеракция является экзотической, но чрезвычайно эффективной разновидностью этнометодологического эксперимента, предложенного в качестве методологического подхода к изучению реальности повседневности Г. Гарфинкелем³.

Создание иллюзорной виртуальной реальности нарушает нормальный ход событий, провоцируя тем самым повседневность. Если при этом сам маг остается в положении «третьей позиции» и способен отслеживать реакцию участников магической интеракции, то он получает уникальную возможность понять и выявить содержание и формы тех идей и представлений, которые образуют реальность повседневности зрителей, но не поддаются выявлению при стандартных социологических подходах. При этом выступление иллюциониста в большей степени снимает постоянно существующую проблему ограничения этнометодологического эксперимента в морально-этическом отношении, хотя, как это будет видно из дальнейшего описания эксперимента, некоторые проблемы при этом остаются. Следует подчеркнуть то обстоятельство, что маги и иллюционисты, конструируя новые виртуальные реальности, большей частью интуитивно поддерживают обратную связь, отслеживая реакции своих зрителей. Однако такая рефлексия необходима магам лишь для внесения поправок в свои действия, для упрочения ткани виртуальной реальности. Практически никто из них не ставит своей целью исследование параметров реальности повседневности, в которой пребывают участники магической интеракции.

Реальность повседневности, в свою очередь, самими участниками магической интеракции также не анализируется до тех

пор, пока она не нарушена каким-нибудь магическим феноменом, стоящим вне рамок мгновенного понимания и оценки. Но как только возникает такой непредвиденный фактор, наблюдатель сам произвольно становится исследователем, пытаясь отыскать объяснение наблюдаемому феномену. При этом происходит виртуальное столкновение двух интерпретаций происходящего: интерпретации, которую создает для объяснения феномена сам маг, и той интерпретации, которую подыскивает наблюдатель для быстрого выхода из виртуальной реальности и возвращения в привычную реальность повседневности. Зритель пытается на основе своего собственного социального запаса знания и своей модели реальности найти непротиворечивое объяснение ситуации и ввести ее в границы повседневной реальности. Включение неизвестного в рамки своей модели реальности может происходить по-разному, но лишь этот, большей частью неосознаваемый процесс, позволяет наблюдателю нормализовать ситуацию и вернуться из реальности виртуальной в реальность повседневной жизни. Но в том-то и дело, что «в одну и ту же реку нельзя войти дважды». И наблюдатели на самом деле не возвращаются в свою прежнюю реальность, а плавно переходят в иную виртуальную реальность, не осознавая процесса этого перехода.

Участники магической интеракции совершенно упускают из виду то обстоятельство, что эта реальность, в которую они успешно возвратились после столкновения с виртуальной реальностью, уже не останется той самой, прежней, привычной повседневной реальностью. У нее появилась новая грань, новый фрагмент, который они сами, собственными интеллектуальными усилиями построили в свою модель. Эти усилия наблюдателями не осознаются, и оттого изменившаяся модель оказывается привычной, прочной и работоспособной, приспособленной к новой виртуальной реальности.

Л. Ионин, анализируя роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», показывает множество примеров такой социально-феноменологической интерпретации повседневности, которую пытаются выработать персонажи, сталкиваясь с фантастическими ситуациями, провоцируемыми Воландом и его свитой⁴. К сожалению, и сам роман, и его анализ, остаются блестящими, но во многом умозрительными построениями, не подтверждаемыми аналогичными примерами из реальной жизни. Однако такое взаимодействие реально происходит при активном взаимодействии мага, иллюциониста со зрителем в интерактивных формах выступления.

Процесс мистификации в таких магических интеракциях почти всегда проходит незаметно для объекта мистификации.

¹ Бэндлер Р. Используйте свой мозг для изменения. : Пер. с англ. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992.

² Бэндлер Р., Гриндер Д. Трансформэйшн. СПб., Петербург - XXI век. 1995.

³ Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood-Cliff. New Jersey. 1967.

⁴ Ионин Л. Две реальности «Мастера и Маргариты». В сб. ст. «Постмодерн: новая магическая эпоха». - Харьков, 2002. С. 124-144.

Анализ действий артистов оригинального жанра позволяет выявить особенности и нюансы этого сложного и скрытого от исследователей процесса. Иллюзионизм как разновидность сценического искусства воздействует, прежде всего, на чувства зрителей, на их эмоции.

Самые яркие эмоции, вызываемые магом, всегда наводят зрителя на некоторые размышления о том, как же все-таки это можно сделать, не привлекая потусторонние силы. Зритель будет испытывать и недоумение, и замешательство, и изумление. В целом такое состояние можно охарактеризовать как измененное состояние сознания. Основной характеристикой такого состояния сознания является внезапно возникший сумбур мыслей, мешающий в течение какого-то времени мыслить четко и логично.

Интересный и достаточно поучительный опыт социального взаимодействия в конструировании виртуальной реальности был мною получен, во время выступления с номером сценической магии перед Б. Н. Ельциным. Дальнейшее описание эпизода приводится по дневниковым записям от 7 августа 2002 года.

«...Наши выступления перед первым российским президентом происходили в Саратове во время его отдыха на Волге в 2002 году. Небольшой концерт был сделан как бы экспромтом, когда после ужина Борис Николаевич вышел на крыльцо коттеджа. Оркестр русских народных инструментов заиграл «Рябинушку», и отужинавший, и благосклонно настроенный президент с удовольствием сопровождал артистам на тут же предложенных ему ложках. После нескольких народных песен наступила моя очередь.

Я сказал, что покажу несколько фокусов, и начал свое выступление. Музыкального аккомпанемента не было и мне пришлось устно комментировать все иллюзионные номера. Впрочем, это как раз способствовало установлению быстрого контакта с моими высокопоставленными зрителями. Передо мной сидели в креслах Борис Николаевич и Наина Иосифовна, а рядом стояла немногочисленная охрана.

Супруга президента и он сам воспринимали фокусы с большим удовольствием, выражали удивление и интерес к появляющимся и исчезающим предметам. Восхищения и улыбки подтверждали их комфортные ощущения от невинного обмана в создаваемой мною виртуальной реальности. Эта вымышленная реальность существовала как бы рядом, параллельно их миру, не вторгалась активно в их реальность и не разрушала привычного течения жизни. Они лишь заглядывали в этот волшебный мир, понимая, что он возникает лишь благодаря моей ловкости рук и создается здесь и сейчас только для того, чтобы развлечь их после приятного ужина. Это был новый интересный мир с простыми шутками и веселыми превращениями. В самом начале на сущности этого мира мною был поставлен ярлык — «фокусы», поэтому не надо было даже думать, как все это получается. Фокусы, — ведь это просто обман, ловкость рук и никакого мошенничества...»

Анализ происходившего в тот вечер показывает, что президент и его супруга привыкли жить в абсолютно прозрачной, удобной и понятной им реальности, основным социальным свойством которой было мгновенное исполнение окружающими их людьми любых их желаний. Например, Наине Иосифовне достаточно было лишь повести плечом, и тут же была принесена куртка для Бориса Николаевича. Они были главными персонажами жизни, и в этой реальности все их физическое, и социальное окружение служило и подчинялось только им.

«...После первого блока моего выступления снова были русские песни, президент снова играл на ложках. Второй мой выход создал совершенно другое впечатление. Дело в том, что во втором блоке я продемонстрировал несколько экспериментов ментальной магии — области иллюзионизма, до этого, очевидно, никогда не виденной Борисом Николаевичем. Мента-

лизм создает впечатление экстрасенсорных возможностей артиста».

Главной отличительной особенностью этого типа сценической магии является его отчетливо интерактивный характер, когда артист взаимодействует со своими зрителями. В большинстве «экспериментов» зрители становятся участниками представления, поэтому конструируемая исполнителем виртуальная реальность оказывается не существующей как бы рядом с социальной реальностью зрителя, а становится той реальностью, в которой ему волей-неволей приходится взаимодействовать с фантастической средой и с исполнителем. И зритель не просто наблюдает некий странный мир, но сам сталкивается с его непредсказуемыми законами, которые в корне отличаются от законов привычного мира его повседневной жизни. Особенно ошеломляющими экспериментами становятся опыты чтения мыслей, телекинеза и других явных нарушений законов природы.

Оказываясь в такой виртуальной реальности, зрители начинают, как правило, подыскивать объяснения, удовлетворяющие структуре их собственной модели повседневности. Они должны дать такое объяснение, прежде всего, самому себе, чтобы вернуть ускользающую действительность в привычное русло. Такие объяснения становятся первой попыткой интерпретации, предпринимаемой как защитная мера для «социальной защиты» разрушаемой повседневности. Эта интерпретация обычно совершается мысленно, она очень редко проговаривается «вслух», и не требует практических действий со стороны интерпретатора. Однако все эти мысленные усилия, как правило, отражаются зрителем «телесно» и могут быть однозначно зафиксированы опытным коммуникатором. Обычно в таких ситуациях у зрителя приподнимаются вверх брови, учащается дыхание, застывает взгляд и т. п. Эти определяемые признаки наступившего измененного состояния сознания позволяют коммуникатору усилить раппорт и продолжить конструирование виртуальной реальности. Однако в анализируемом случае передо мной была поставлена совершенно иная задача: я должен был лишь развлечь нашего высокопоставленного гостя. Продолжим анализ по дневниковым записям.

«...Я попросил у президента разрешения написать ему предсказание. Получив его согласие, тут же карандашом на листочке бумаги написал несколько слов и передал карандаш Наине Иосифовне. После этого попросил Бориса Николаевича назвать вслух любое двухзначное число. Ельцин назвал число 99. Я вручил ему листок и попросил прочитать, что в нем написано. Когда президент рассмотрел мою записку: «Борис Николаевич назовет число 99», на его лице выразилась целая гамма противоречивых чувств.

Приятное развлечение с русскими песнями, аккомпанементом на ложках, простыми и веселыми фокусами, основанными на ловкости рук, отошло на второй план, развлечение было нарушено чем-то непонятым. Виртуальная реальность вторглась в его жизнь и на мгновение вытеснила привычную, понятную и предсказуемую действительность. Президент оказался в мире, где его, скрытые от всех, мысли, оказываются читаемыми другим человеком. Это было непривычно, непонятно и, главное, совершенно ему не нужно. Надо было быстро выбираться из такой неприятной реальности, где все его помощники оказались неподготовленными и такими же растерянными. Сделать это можно было, лишь быстро объяснив происходящее самому себе в рамках привычного, «незаколдованного» мира с известными причинно-следственными связями, что и попытался сделать Борис Николаевич. Он начал искать объяснение, громко озвучивая ход своих мыслей. Вспомнил, что девятка — его самая любимая цифра, которую он машинально пишет во время размышлений, поэтому предложенное двухзначное число должно было быть именно 99. Видимо, такое объяснение его на время удовлетворило. Президент снова расслабился и принял благодушный вид.

Однако больше он не хотел попадать в непредсказуемый мир. В следующем эксперименте я попросил Бориса Николаевича мысленно перенести любую карту из одной кучки игральные карты в другую и назвать эту карту вслух. Подозревая, что реальность вновь окажется непривычной и необъяснимой, он очень долго на это не соглашался, предлагая мне самому назвать выбранную им карту вслух. Убедившись, что я не могу ее угадать, и, удовлетворенный моей беспомощностью читать его мысли, Борис Николаевич смог остаться и вновь утвердиться в своем, привычном мире. Только тогда он снисходительно огласил название задуманной им карты. Когда же я развернул веер карт и показал, что именно эта карта по его мысленному приказанию перевернулась лицом вверх, президент оказался снова в непонятной ему реальности, куда он вовсе не хотел попадать, и непроизвольно выразил это громкой фразой: «Этого не может быть! Не понимаю!» Возникший внутренний дискомфорт от непонимания происходящего можно было преодолеть только какой-нибудь шуткой.

Анализируя сложившуюся ситуацию, я пришел к выводу, что сломать изнутри, объяснить эту странную, сконструированную не им, а кем-то другим, социальную действительность, живущую по непонятным ему законам, Борис Николаевич был не в состоянии. Он оказался в реальности, сконструированной другим человеком, в неподвластном ему социальном мире, где он уже не был главным действующим лицом. Этот мир был для него неприемлемым потому, что он его не понимал, а самое главное, он не мог управлять этой возникшей социальной реальностью. Это было непривычно, и такая реальность ему не понравилась. Он не хотел даже знать ничего о таком парадоксальном и чуждом ему мире.

«...Борис Николаевич был явно озадачен и нахмурился. Ситуация выходила из-под контроля — вместо развлечения президент внезапно получил заряд отрицательных эмоций. Мне надо было срочно искать подходящий и быстрый переход в привычную и удобную для него реальность.

Именно в этот момент я сделал появление «ниоткуда» и вручил ему большой значок с его фотографией и надписью «Борис, ты прав!» Прочитав на значке этот слоган, президент был удовлетворен, расхохотался и начал вспоминать предвыборные времена. Виртуальный занавес, опущенный мной в этот момент, скрыл от него странную реальность, в которую он был незаметно вовлечен без всякого разрешения с его стороны. Привычная реальность заняла свое место, и он тут же постарался забыть о неприятной, неподвластной ему реальности, с которой только что соприкоснулся.

Снова и вовремя зазвучали его любимые мелодии, и Ельцин снова расслабился.

Выйдя на импровизированную сцену в заключительном блоке, я показал трюк с исчезающей бутылкой, и этот смешной фокус оказался приятным завершающим программой сюрпризом. Было еще раз ненавязчиво подсказано, что все было только шуткой, фокусами, ловкостью рук...

Прощаясь с артистами, Борис Николаевич долго держал в своей руке мою руку и говорил о том, что фокусы я показываю с большим мастерством, что они очень интересны, но вот фокусы с картами «... не очень», их надо исключить, не надо их показывать. Судя по всему, воспоминания о чем-то странном еще продолжали его тревожить».

Итак, главный вынесенный мною из этого выступления опыт социального конструирования виртуальной реальности оказался следующим.

Чрезвычайно сложно вытеснить привычную социальную реальность и заменить ее иной реальностью в восприятии человека, привыкшего самостоятельно создавать и успешно менять окружающую его действительность. Ощущение непонимания возникших причинно-следственных связей и невозможность управлять реальностью привычными, апробированными методами, создает в сознании такого человека социальный

дискомфорт, превалирующий над всеми другими эмоциональными ощущениями. Желание подавить возникший дискомфорт создает стойкое сопротивление восприятию новой реальности и как бы затягивает человека назад в привычный, комфортный и понятный мир. Для этого им тут же создаются интерпретации, призванные объяснить самому себе странные феномены. Главное свойство таких интерпретаций — возможность мгновенно объяснить самому себе непонятное. При этом абсолютно не берется в расчет адекватность создаваемого объяснения и того, что происходит на самом деле. Если выбранное объяснение удовлетворяет своего создателя, оно становится тем самым якорем, который удерживает его в привычном русле событий. Укорененное в сознании таких незаурядных людей чувство возможности контроля над обстоятельствами требует активного противодействия любым внешним попыткам изменения их личного социального статуса в новой виртуальной реальности.

Такой вывод подтверждается совершенно аналогичной реакцией человека, имеющего социальный статус руководителя и лидера в определенной группе, перед которой мне пришлось излагать свои взгляды на магию. В своем ответе на вопрос о том, как же маг проводит скрытое управление и конструирует виртуальную реальность, я продемонстрировал все тот же ментальный эксперимент с предсказанием числа, которое затем вслух называет любой желающий. На мой взгляд, это один из самых ярких примеров магических интеракций. На какое-то время в зале повисла тишина. Была сконструирована иная социальная реальность с измененными каузальными связями, каждый из присутствующих оценивал свое место и возможности в этой новой реальности. На лицах всех слушателей отражалась мысленная работа по созданию подходящей интерпретации продемонстрированного мной магического феномена. Я собирался пояснить методы скрытого воздействия на только что продемонстрированном примере. В результате конструирования иной виртуальной реальности в группе произошло определенное смещение социальных статусов, и самым первым на такое нежелательное изменение социальной атмосферы среагировал руководитель. Он постарался быстро вернуть все в привычное русло, в изначально заданный им расклад социальных ролей, утвердив еще раз свое руководящее начало. Было сделано твердое заявление, что здесь не место демонстрировать мои способности, что я не должен своими методами подавлять волю участников собрания. (Возможность управлять и подавлять волю, руководитель оставлял только себе...) Лидер мгновенно почувствовал, что, показывая примеры скрытого воздействия на принятие решения другим человеком, я фактически перераспределяю социальные роли, причем произвожу это перераспределение не легитимно. Социальные функции в группе назначены руководством, они изначально не были присущи членам группы, но после официального назначения руководителя сложившаяся социальная структура стала социальным фактом.

Я не обладал назначенной свыше должностью официального руководителя, с правом управления членами группы, но, демонстрируя непонятные возможности, пытался, по мнению лидера, самостоятельно придать себе расширенные функции, изменяя существующую социальную реальность.

Это было в его глазах явным покусением на установленный в группе социальный порядок. Нельзя было даже на мгновение допустить появления второго полюса социального управления, тем более, скрытого. Созданная виртуальная реальность могла через какое-то время закрепиться в сознании членов группы и вытеснить предшествующую ей реальность, созданную усилиями официального руководителя. Такая реальность, как и в случае с Борисом Николаевичем, была для руководителя неожиданной и ненужной. «Карфаген должен быть разрушен», социальный порядок должен быть восстановлен.